Научный поиск: личность, образование, культура. 2026. № 2. С. 95–101.
Scientific search: personality, education, culture. 2026. No. 2. Pp. 95–101.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 294.3
ББК 86.35
DOI: 10.54348/SciS.2026.2.15

Концепт Бардо в буддийской традиции Тибета

Людмила Ивановна Серафимова
Институт культуры и искусств Херсонского государственного педагогического университета, Херсон, Россия, serafimova.mila@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-1830-3590, SPIN: 6326-1424

Аннотация. В настоящей статье анализируется проблема, остро актуальная на сегодняшний день в связи с большим и все возрастающим количеством людей, исповедующих буддизм (при этом как раз в его «тибетской» версии) в многонациональной РФ, – разработанный и веками развиваемый в рамках тибетской тантрической доктрины и фундаментальный для нее концепт Бардо («промежутка»). Методы исследования – теоретические: системный метод, историко-культурный анализ, компаративный анализ. Данный концепт наиболее ярко репрезентируется в средневековом тантрическом тексте «Бардо Тхёдол», больше известном на Западе как «Тибетская Книга Мертвых». В ходе анализа выявлены сущностные характеристики данного концепта, выделяющие его в том числе и среди других базовых буддийских положений, в первую очередь это максимальное внимание к иллюзорной природе воспринимаемых сознанием явлений. Такой подход распространяется не только на посмертный опыт, привычно ассоциирующийся с уже хорошо известным в мире понятием «Бардо», но и на все сферы сансарного существования.

Ключевые слова: Тибетский буддизм, «Бардо Тхёдол», Чикхай Бардо, Ченъид Бардо, Сидпа Бардо.

Для цитирования: Серафимова Л.И. Концепт Бардо в буддийской традиции Тибета // Научный поиск: личность, образование, культура. 2026. №. 2. С. 95–101. https://doi.org/10.54348/SciS.2026.2.15

CULTUROLOGY

Original article

The Bardo concert in the Buddhist tradition of Tibet

Lyudmila I. Serafimova
Institute of Culture and Arts of Kherson State Pedagogical University, Kherson, Russia, serafimova.mila@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-1830-3590, SPIN: 6326-1424

Abstract. This article analyzes a problem that is acutely relevant today due to the large and increasing number of people practicing Buddhism (moreover, in its “Tibetan” version) in the multinational Russian Federation. It has been developed for centuries within the framework of the Tibetan Tantric doctrine and, in particular, its fundamental concept of the Bardo (“gap”). The research methods are theoretical: the systematic method, historical and cultural analysis, comparative analysis. Tht mentioned concept is most vividly represented in the medieval Tantric text “Bardo Thedol”, better known in the West as “the Tibetan Book of the Dead”. Our analysis has revealed the essential characteristics of this concept, which distinguish it from other basic Buddhist positions; first of all, it is the maximum attention to the illusory nature of phenomena perceived by consciousness. This approach extends not only to the posthumous experience, which is habitually associated with the already well-known concept of “Bardo” in the world, but also to all spheres of samsaric existence.

Keywords: Tibetan Buddhism, “Bardo Thedol”, Chikhai Bardo, Chenyid Bardo, Sidpa Bardo.

For citation: Serafimova L.I. The Bardo concert in the Buddhist tradition of Tibet. *Nauchnyj poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura = Scientific search: personality, education, culture*. 2026. No. 2. Pp. 95–101. (In Russ). https://doi.org/10.54348/SciS.2026.2.15

© Серафимова Л.И., 2026

Актуальность исследования определяется, на наш взгляд, в первую очередь статусом буддизма как третьей по числу своих приверженцев (после христианства и ислама) религиозной конфессии нашей многонациональной страны. Численность российских буддистов в современный период оценивается, по разным источникам, числом от 900 тысяч человек [Филатов, Лункин, 2005, с. 39] до полутора-двух миллионов человек (данные Буддийской Ассоциации России) [Национальный и религиозный состав]. И эти цифры постоянно и неуклонно растут, поскольку к традиционным – так называемым «этническим» – буддистам, представляющим большинство населения таких регионов РФ, как Калмыкия, Бурятия, Тува и Алтайский край, присоединяется все больше молодежи, особенно в мегаполисах – Москве, Санкт-Петербурге и др. Буддизм в России – как в традиционно буддийских ее регионах, так и в «новых» буддистских общинах – распространялся и продолжает распространяться преимущественно в форме так называемого тибетского буддизма. Данный факт обусловливает необходимость пристального и глубокого внимания к теоретическим и практическим проблемам не только Буддадхармы («учения Будды») как таковой, но и конкретно тибетской ее разновидности – рассматривая последнюю в качестве важного фактора, непосредственно влияющего на характеристики и параметры формирования религиозной и социокультурной идентичности большого числа российских граждан.

Один из актуальнейших и вызывающих все более активный интерес исследователей вопросов, стоящих перед современной междисциплинарной буддологией (в частности, перед культурологической ее «ветвью»), связан с таким фундаментальным для тибетского буддизма комплексом представлений, как концепт Бардо.

Целью настоящей работы является рассмотрение и анализ данного концепта с использованием следующих теоретических **методов**: системный метод, историко-культурный анализ, компаративный анализ.

Анализ результатов исследования. Текст «Бардо Тхёдол», один из основополагающих для практически всех школ и направлений тибетского буддизма, на Западе первоначально получил известность под довольно провокационным заголовком «Тибетская Книга Мертвых». Действительно, общее содержание текста напрямую связано с процессами умирания и посмертного существования. Утверждается, что текст представляет собой так называемое «*терма*» – то есть «скрытое сокровище», составленное когда-то знаменитым гуру Падмасамбхавой, в VIII веке принесшим в Тибет учение Буллы и утвердившим его здесь. Считается, что сам Падмасамбхава, получив это учение непосредственно от Будды Шакьямуни и записав с помощью своей супруги Еше Цогьял, спрятал его в труднодоступных местах. Предсказав его новое открытие в будущем, когда наступит для этого подходящее время. Начиная со времен Падмасамбхавы, подобная практика для Тибета вполне обычна и традиционна; открывателей терма называют «*тертонами*» или «*лингпа*». Согласно популярной легенде, терма, содержащее учение Бардо, спустя несколько веков после его сокрытия было открыто тертоном Карма Лингпа, считающимся воплощением одного из ближайших учеников Падмасамбхавы.

Тибетское слово «*бардо*» («промежуток», «переход», «просвет», «разрыв») происходит от тибетских же корней «*бар*» («между») и «*до*» («место»; изначально, видимо, «остров»). Основное его значение, за последние десятилетия распространившееся уже и далеко за пределы Тибета, – «посмертное состояние», то есть буквально «промежуток» между смертью и последующим перерождением. Вообще-то в тибетских учениях рассматриваются и другие формы Бардо, которых мы тоже слегка коснемся ниже; однако «Бардо Тхёдол» концентрируется именно на посмертном существовании и, как финальной его стадии, переходе к новой жизни.

В течение столетий тибетские ламы рецитируют строфы «Бардо Тхёдол» у постели умирающего – и не прекращают рецитацию даже после захоронения физического тела. По мнению тибетцев, сознание умершего, оказавшись в новых и совершенно непривычных условиях, испытывает мощный шок; и единственная надежная опора, на которую человек может в такой ситуации рассчитывать, – специально зачитываемый для него ламой текст. Об этом прямо говорит второй элемент заголовка «Бардо Тхёдол» – слово «тхёдол», означающее процесс слушания, восприятия аудиальной информации. Весь же заголовок целиком переводят обычно как «Освобождение посредством слушания [священного текста] в посмертном промежутке», хотя формально термин «освобождение» в тибетском названии отсутствует. Лама напрямую обращается к умершему, стараясь привлечь его внимание и раз за разом называя его по имени.

Само по себе чтение, однако, «Освобождения» не гарантирует. Пребывающее в шоке сознание умершего может просто не услышать, не понять, проигнорировать обращенную к нему речь ламы. Для того, чтобы быть способным услышать ее, адекватно понять ее смысл, а главное – претворить этот смысл в свою собственную реальность, человек должен иметь за плечами достаточный опыт соответствующей буддийской «садханы», или практики. Именно о предшествующей практике постоянно напоминает ему чтец: когда-то, говорит он, твой гуру познакомил тебя с истинной реальностью твоего ума; теперь ученик должен вспомнить этот опыт

и воспроизвести его самостоятельно. Мы в настоящей работе анализируем «концепт Бардо», но не должны при этом упускать из виду, что буддизм в целом не особо высоко ценит концептуальные понятия, схемы и представления, не подкрепленные реальным эмпирическим опытом долгой и упорной практики.

Тем не менее, именно как концептуальная база такой практики, учение о Бардо, подробно изложенное в тексте «Бардо Тхёдол», достаточно быстро получило статус одного из самых авторитетных буддистских учений в Стране Снегов (а позднее – и в других азиатских странах, в которых буддизм распространялся в его тибетской разновидности).

В первой части текста рассматривается начальная фаза смертного опыта – умирание. Этот этап так и называется – Чикхай Бардо (в отдельных переводах «чикей» [Кенчен Палдэн Шераб, 2007, с. 14]), или Бардо умирания. В учениях очень детально расписываются «внутренние» – то есть отмечаемые самим умирающим, а не его окружением – признаки скорой смерти. В них находит отображение последовательное растворение пяти «великих элементов», из которых состоит физическое тело: Земли, Воды, Огня, Воздуха и «Акаши» (Пространства, или Сознания).

Сначала элемент Земли растворяется в элементе Воды. Человек в это время чувствует сильную тяжесть и давление, ему может казаться, что он погружается в землю. Он перестает воспринимать визуальную информацию: орган зрения, связанный с элементом Земли, уже не может воспринимать видимые объекты.

Затем элемент Воды растворяется в элементе Огня. Умирающий чувствует, как испаряется влага из организма, во рту он ощущает сухость и может видеть миражи, связанные с водной стихией: его уносит в море, он тонет и т.п. На этой стадии отказывает связанный с Водой орган слуха, и умирающий уже не может слышать звуки.

Огонь, в свою очередь, растворяется в Воздухе, что приводит к утере обоняния. Это растворение приносит ощущение небывалой легкости и свободы; ощущение это могло бы показаться весьма приятным – однако, как правило, человек (особенно нетренированный, то есть не имеющий опыта прижизненной практики Бардо) в процессе умирания испытывает нарастающую панику и ужас. Смятение мешает ему справляться с негативными эмоциями. Обращенная к нему рецитация «Бардо Тхёдол» как раз и призвана помочь отрешиться от них, сконцентрировавшись на гораздо более важных, тонких и глубоких ощущениях, предвещающих совсем скорый уже момент смерти. Наконец, Воздух растворяется в сознании (Акаше); с этого момента все телесные ощущения прекращаются полностью.

Все процессы растворения элементов сопровождаются миражами, содержание и последовательность которых также подробно расписаны в тексте: это миражи, подобные мерцающему свету, дыму, небесному зареву, свету масляного светильника. На этой стадии начинается собственно умирание.

Период умирания обычно длится от трех до четырех суток, в зависимости от «наработанной» кармы индивида. Окружающим он кажется уже мертвым, но в течение этих трех-четырех дней процесс умирания продолжается на тонком уровне. Энергии «тонкого тела» собираются в центральном канале, все ментальные ограничения, склонности и фиксации – к которым относят такие, например, фундаментальные, как неведение, агрессия, страх и т.п., – теряют свою силу, и сознание умирающего погружается в состояние так называемого Ясного Света, или Ясного Света смерти.

Это – кульминационный момент не только умирания как такового, но всего существования индивида. «Ясный Свет смерти» представляет собой, в сущности, базовое, фундаментальное состояние человеческого сознания – не искаженное фильтрами бесконечной «болтовни» бодрствующего рассудка и постоянным давлением бессознательных импульсов. (Определяемых в буддийском тезаурусе как «самскары» и их комплексы – «васаны»).

Ясный Свет описывается как превосходящая все возможные критерии ясность и чистота сознания, не имеющая ни аналогов, ни параллелей в прижизненном эмпирическом опыте обычного человека: испытываемый на пороге смерти экстаз этому обычному опыту запределен и трансцендентен. В то время как тренированному практику, посвятившему обучению достаточно времени и в достаточной степени его освоившему, доступна в этот момент радость узнавания. Он словно возвращается в родную и любимую им местность, возвращения в которую страстно желал на протяжении десятилетий. Даже сам Ясный Свет смерти предстает перед ним как нечто уже знакомое по его медитациям: «Ясный Свет – Дитя» (неоднократно испытанный им в медитативной практике) наконец воссоединяется с «Ясным Светом – Матерью», или «сознанием всеосновы». «Сама безначальная чистота, ясный свет основы – как мать. Подобное узнавание в момент смерти, в бардо умирания, гарантирует освобождение» [Чокьи Нима, 2005, с. 10].

Лучшим результатом признается полное растворение индивидуального сознания в этом базовом всесознании: в таком случае умерший утрачивает свою индивидуальность, но сам становится Буддой, «Пробужденным» и «Просветленным». Ему больше не грозит опасность переродиться ни в низших мирах, ни в «сансаре» как таковой – разве что такое перерождение будет принято им добровольно, ради блага живых существ, пребывающих пока на нижних ступенях развития сознания. (Именно в силу

подобного добровольного выбора Будды и бодхисаттвы «нисходят» в сансарные миры, чтобы своим присутствием облегчать страдания существ и побуждать их к активности, ведущей в конечном итоге к Просветлению).

Люди, не занимавшиеся при жизни специальной медитативной практикой, обычно проводят эти три-четыре дня в бессознательном состоянии, подобном обмороку. Все же говорится, что в какой-то из моментов умирания Ясный Свет смерти ощущают *все* живые существа. Как пояснял своим слушателям Тензин Гьяцо (Далай-лама XIV): «Ясный Свет смерти – это нечто, что испытывает каждый без исключения, но существует много различий в продолжительности этого переживания. Для некоторых людей он может длиться всего несколько секунд, для других – несколько минут, для третьих – несколько дней или даже недель. Пока продолжается переживание ясного света смерти, связь между очень тонкой энергией-умом и грубым физическим телом еще не прервана. Идет процесс отделения, но эта связь пока окончательно не разорвана…» [Гьяцо Тензин, 2009, с. 365].

К концу Чикхай Бардо из ноздри может вытечь красная капля крови, а из гениталий – белая капля семенной жидкости; это означает завершение данного периода и выход сознания из тела. В том случае, если умерший не смог распознать Ясный Свет и воссоединиться с ним, для него наступает следующий этап. Начинается собственно Бардо – посмертный «промежуток».

В тот самый момент, когда сознание выходит из тела, оно получает еще один шанс соединиться с Ясным Светом. Умерший вновь испытывает состояние ясности и чистоты; на сей раз, однако, ощущения его чуть менее насыщенны и экстатичны. Об этом переживании говорится как о «Вторичном Свете» («предыдущий» же, соответственно, теперь обозначается как «Первичный Ясный Свет»); «вторичен» он не только по времени появления, но и, если можно так выразиться, качественно: беспредельно-чистое сознание, испытанное на предыдущем этапе, на данной стадии оказывается уже в некоторой мере загрязненным кармическими отпечатками, сохранившимися из прожитой жизни.

Сила кармических накоплений обычно так велика, что подавляющее большинство умерших оказывается не способно распознать ни Первичный, ни Вторичный Ясный Свет. Их сознание обречено претерпевать следующий этап – Ченъид Бардо (или «чони» [Кенчен Палдэн Шераб, 2007, с. 14]), или этап «кармических видений» или «кармических теней».

Ченъид Бардо открывается «неделей мирных божеств». Их образы, имена, атрибуты и т.п. могут меняться в зависимости от школы и направления тибетского буддизма, в рамках которых человек при жизни получил от гуру посвящение и практиковал; чаще всего учения Тибетской Книги Мертвых оперируют так называемой «мандалой пяти Будда-семейств», представленных пятью Татхагатами (Дхьяни-Буддами, или Буддами Знания): это Вайрочана, Акшобхья, Ратнасамбхава, Амитабха и Амогхасиддхи. Каждого из них сопровождает его супруга, или «шакти» (энергия, женская ипостась). В течение пяти дней «недели мирных божеств» пятеро Дхьяни-Будд и их «шакти» встречают умершего, приветствуя его; помимо прочего, каждый из Будд олицетворяет то или иное пространственное направление – Центр, Восток, Юг, Север и Запад. Оставшиеся два дня недели «отведены» под многочисленную свиту уже появившихся Будд – различных и разнообразных представителей их мандал. (Точнее было бы сказать «проявившихся»: ведь речь идет не о физическом пространстве, но о пространстве сознания).

Здесь необходимо принять во внимание радикально важное для тибетского буддизма положение – не только и даже не столько теоретическое, сколько в высочайшей степени практическое. «Бардо Тхёдол» и рецитирующий ее лама говорят о «божествах», встречающих умершего, – которому, при условии надлежащей прижизненной практики, они уже тоже вполне «знакомы» и легко распознаются им. Однако тибетский термин «йидам», часто переводимый в данном контексте как «божество» или даже «личное божество», весьма специфичен. В отличие от «богов» и «божеств» теистических религий – каковой буддизм не является, поскольку не признает ни наличия индивидуальной «души», ни реального существования «бога» либо «богов», – образы йидамов используются в его рамках в качестве выраженных архетипических моделей, воплощающих в себе те или иные качества и характеристики Просветленного сознания. Так, например, Будда Амогхасиддхи и входящий в его мандалу бодхисаттва Авалокитешвара традиционно воспринимаются как «главные» символы сострадания, бодхисаттва Манджушри из той же мандалы Амогхасиддхи как символ мудрости, будущий «земной Будда» следующего исторического периода Майтрея как символ любви и добросердечия и т.п.

В целом, буддийская космология включает в себя шесть сансарных миров:

1) миры «богов» (санскр. «дева» или «девата»; не путать с «божествами» как переводом термина «йидам»),

2) «асуров» (демонов или титанов),

3) людей,

4) животных,

5) голодных духов-«претов»,

6) «адские миры».

Эти шесть сфер известны под общим названием «Колесо Сансары». Однако, хотя простой народ в

буддийских регионах часто действительно верит в физическое существование подобных миров, – истинные, аутентичные глубинные доктрины Буддадхармы признают их лишь в качестве специфических локусов все того же человеческого сознания. Пробуждение, Просветление и выход за пределы сансары возможны только путем преодоления иллюзии наличия «миров» и их обитателей – которые, по буддийским понятиям, существуют лишь условно, относительно, подобно сюжетам и персонажам сновидений. Если в рамках земной жизни познать ее иллюзорность, в силу устоявшихся за долгий период тенденций ума, чрезвычайно сложно, – то именно смерть, ломающая привычные шаблоны, предоставляет наконец оптимальную возможность сделать это; особенно если речь идет об адептах, серьезно практиковавших в течение жизни. Посмертное состояние «Тибетская Книга Мертвых» трактует как состояние сноподобное; как в череде обычных сновидений могут случаться осознанные сны – притом тем чаще, чем больше сновидец уделяет внимания и усилий развитию соответствующей способности, – так и «сновидное» посмертное состояние может быть распознано в качестве такового.

Соответственно, и в описанной ситуации начала Ченъид Бардо перед умершим, при «встрече» с образами мирных божеств, встает специфическая задача, столь же тесно связанная с уровнем проработки его психических навыков и возможностей, как и не решенная на предыдущем этапе задача распознания Первичного и Вторичного Ясного Света. «Общение» с мирными йидамами вызывает такую головокружительную эйфорию, что даже опытный практик может поддаться иллюзии (санскр. «*майя*»), поверив в их реальность. Вопреки общему благоприятному характеру данного этапа, здесь кроется глубокая и опасная ловушка очередной иллюзии. Поверив в реальность существования мирных божеств, адепт, согласно «Бардо Тхёдол», может столкнуться с двойной опасностью. Он может, во-первых, переродиться в мире голодных духов. Это объясняется тем, что само желание отождествиться с максимально притягательными образами божеств, остаться с ними и в их «мире» представляет собой именно «желание», то есть тонкую форму «голода», пристрастия, зависимости. Но даже альтернативный исход – действительное отождествление и соответствующее рождение в «мире богов» – в буддизме не рассматривается как желательный и позитивный. Жизнь в подобных мирах, как утверждается, продолжительна и полна удовольствий, как чисто физических, так и метафизических, – но даже она остается сансарной, иллюзорной, «смоделированной». Вследствие чего она в любом случае завершится падением в нижние миры сансары и новыми страданиями.

Далее в ходе Ченъид Бардо «божества» продолжают проявляться; однако сразу за «неделей мирных божеств» следует теперь уже «неделя гневных (яростных) божеств». Наиболее примечательно здесь то, что перед сознанием умершего предстают здесь, по существу, те же самые образы, что и в предшествующую неделю, однако принявшие свою «гневную» или «яростную» форму. Так, в первый день новой недели тот же Будда Центра Вайрочана является как грозный Херука, а его супруга – как Великая Гневная Мать. «… эти мирные и гневные божества воплощают те или иные аспекты просветленной природы и не являются чем-то материальным, будучи архетипами самого глубокого уровня нашего подсознания, которые ненадолго возникают в нашем переживании в посмертном состоянии. В учениях утверждается, что видения этих мирных и гневных божеств переживаются в посмертном состоянии каждым человеком, однако замечено, что они предстают в привычном иконографическом виде только тем йогинам, которые при жизни практиковали тантрические визуализации, а обычным людям, незнакомым с буддийской практикой, они являются в виде ослепительного света, лучей и оглушительных звуков» [Смерти вопреки, 2006, с. 13-14].

В период «недели гневных божеств» задача распознавания иллюзорности предстающих перед сознанием образов оказывается теперь еще более сложной, поскольку само это сознание почти полностью погружено в ужас и хаос кармических видений, быстро сменяющих друг друга и кажущихся бесконечными.

С другой стороны, именно на этой стадии, по утверждению «Бардо Тхёдол», распознать «майю» может оказаться, напротив, легче чем на любой другой. Это кажется парадоксальным, если не вспомнить сравнение со сном. Действительно, ведь и от кошмарных сновидений люди часто просыпаются именно «на пике» ужаса, в момент максимальной его концентрации: у них словно не остается иного выбора, кроме как очнуться от кошмара. К сожалению, для посмертных состояний такое пробуждение остается скорее исключением, чем правилом: кармические узы тянут умершего дальше по пути его Бардо.

Путь этот продолжается очередным этапом, называемым Сидпа Бардо (или «сипэй» [Кенчен Палдэн Шераб, 2007, с. 15]) – Бардо поисков нового рождения. Как и предыдущие, «это бардо предоставляет возможность достижения освобождения. Все, что для этого требуется, – это понять, что происходящие переживания являются проекцией нашего собственного ума, и осознать его природу, в результате чего наступает просветление…» [Смерти вопреки, 2006, с. 14]. Но непросветленное сознание продолжает «сновидеть», порождая все новые иллюзорные образы, теперь уже представляющие по-

тенциальные сферы будущего перерождения. Это те же самые шесть сансарных миров, описанные выше как «Колесо Сансары». Карма сильна, не менее сильна и «майя» – поскольку они взаимозависимы, питая и развивая друг друга. Даже если сфера будущего рождения есть сфера определенно «адская», ведомый негативной кармой человек, не сумев в очередной раз распознать иллюзию, может очень сильно к ней привязаться. В его восприятии даже самые зловещие и низкие вибрации «оказываются» приятными и притягательными; ведь именно наше восприятие формирует тот мир, в котором мы вынуждены существовать.

Как формулирует Е.Н. Молодцова: в тибетском буддизме «учение о смерти оказывается учением о человеческом сознании» [Молодцова, 1996, с. 237].

Посмертное Бардо длится, как правило, в пределах сорока девяти дней. К финальной его стадии сфера будущего рождения уже фактически «выбрана», хотя и в основном полностью бессознательно. Человеку снова видятся световые миражи. Его притягивают тусклые, блеклые миражи сансарных сфер – в то время как яркие и сочные цвета «чистых земель Будд» (в которых рождаются после смерти Просветленные сущности) его, наоборот, пугают и отталкивают. Как и связанные с «чистыми землями» «мантрические» звуки, воспринимаемые как ужасающие громовые раскаты. Если сфера, в которой он родится, представляет мир людей, ему предстают видения мужчины и женщины в процессе сексуального соития. В этот момент тот, кто родится в мужском теле, проникается необыкновенной любовью к своей будущей матери; к будущему же отцу он, напротив, чувствует необычайно сильную ненависть. (Своего рода «Эдипов комплекс», как назвали бы этот феномен любители психоанализа Фрейда). Чувства той, что родится женщиной, направлены противоположно – это любовь к отцу и ненависть к матери.

Бардо почти завершилось, но все еще остается некоторая возможность изменить свое будущее. Для этого необходимо воздержаться от того, чтобы «пройти» между привидевшимися в видении телами, мужским и женским. «Противоядие» остается тем же: осознание иллюзорности предстающих образов. Но те, кто не привык концентрировать сознание на представлении о «майе», скорее всего упустят и этот шанс: видя брачующихся разнополых существ, они сами испытывают сильное сексуальное возбуждение и не в силах удержать себя от попытки тем или иным путем разрядить его. «Вхождение в лоно» действительно дает желаемую разрядку – а также потерю сознания, очнувшись от которой, человек обнаруживает себя только что зачатым эмбрионом. Отныне ему предстоит новая жизнь в новом физическом теле…

До сих пор мы рассматривали Бардо именно как «промежуток» между смертью и новым рождением. Однако такая трактовка, хотя и остается наиболее распространенной и популярной, не исчерпывает всей сферы применимости в тибетской буддийской традиции как самого термина «Бардо», так и базирующегося на нем концепта.

«Хотя тибетский термин *бардо* (санскр. *анта-рабхава)* обычно ассоциируется с посмертным или загробным состоянием, его значение в равной степени распространяется и на обычную жизнь, поэтому было бы правильнее переводить его как “промежуточное состояние”. Классические учения традиции ньингма [одна из четырех основных школ тибетского буддизма – Л.С.] описывают четыре типа бардо: *естественное бардо жизни, бардо умирания* или *смерти, бардо природы явлений* и *бардо становления,* из которых только два последних являются собственно посмертными состояниями. В связи с этим считается, что любой этап жизни и смерти является бардо – промежуточным состоянием, так как до достижения просветления существа мигрируют из одного состояния в другое, находясь, иными словами, в постоянном “транзите”» [Смерти вопреки, 2006, с. 12-13].

Согласно большинству классических тибетских текстов, существует шесть форм или разновидностей Бардо. Выше мы рассмотрели три формы – Чикхай Бардо (Бардо умирания), Ченъид Бардо (Бардо кармических видений) и Сидпа Бардо (Бардо поисков нового рождения). Перечислим теперь три оставшихся: это «Бардо жизни» («кенэ»), начинающееся с зачатия и завершающееся смертью; Бардо сновидения («милам»); Бардо медитации («самтэн») [Кенчен Палдэн Шераб, 2007, с. 13-15]. В некоторых системах счет форм Бардо идет по несколько измененным основаниям, а их общее число сокращают до четырех или пяти: например: «читающий Бардо Тхедол объясняет умершему, что есть бардо нахождения в утробе, бардо состояния сна, бардо экстатического равновесия в состоянии глубокой медитации, бардо, в котором сейчас находится умерший, бардо мирского существования…» [Молодцова, 1996, с. 244].

Показательно, что в основе представлений об иных (кроме посмертных) формах Бардо также лежит системообразующее убеждение в иллюзорном характере всего сансарного существования в целом и любых конкретных его проявлений. Конечно, такой подход особенно убедителен в применении к сновидческой «реальности». В рамках тантрической практики тибетского буддизма существует и такое давно и успешно развиваемое направление, как «йога сновидений», в процессе которой осваивается искусство осознанных снов (осознавание себя во сне и самого сна как иллюзии). Она входит, например, в перечень знаменитых «шести йог Наропы», наряду с «йогой Ясного Света».

Йогу сновидений не следует, однако, рассматривать как вполне самостоятельное, «отдельное» направление; она теснейшим образом связана с множеством других форм тантрической садханы, воспитывающей в йогине восприятие сансары как глубочайшей иллюзии-«майи» и постепенное очищение и избавление от этой иллюзии – «отречение от сансары», без которого, как утверждается в текстах Тантраяны, Просветление попросту недостижимо.

Благодаря же целому конгломерату филигранных, тщательно разработанных медитативных методов и «искусных средств» (санскр «упайя»), предназначенных для работы с конкретными формами Бардо, они постепенно очищаются и трансформируются в естественное, изначальное, «чистое» состояние сознания. Именно такое сознание буддисты понимают как «природу Будды», которой обладает каждое живое существо и которая может быть реализована в результате йогической садханы. Используя этот путь, одни практикующие «могут обрести освобождение в этой жизни, перед смертью, другие – во время умирания, третьи – во время бардо, наступающего после смерти, а четвертые – во время зачатия. Как бы человек ни обретал реализацию, это подобно тому, как ребенок забирается на колени к матери…» [Естественное освобождение, 2003, с. 94-95].

Все, что происходит, как учит тибетская Тантра, – происходит в воспринимающем происходящие феномены сознании. Ибо «все в мире – это бардо, иллюзия, переход, порождение твоего собственного ума, и иллюзорно обретаемое после выхода сознания из тела новое “тело иллюзии” [Филатов, Лункин, 2005, с. 40]. Все в одинаковой мере – иллюзия, порожденная человеческим сознанием» [Молодцова, 1996, с. 244]. Кармические ограничения, индивидуальные и/или общечеловеческие, формируют алгоритмы, согласно которым осуществляется восприятие, и оно неизбежно оказывается искаженным. Принципиально отличным от совершенно иной разновидности восприятия – свойственной исключительно только чистому («Просветленному») сознанию, которое в тибетских тантрических текстах фактически отожествляется с Ясным Светом смерти.

Выводы. Таким образом, мы можем резюмировать, что в рамках фундаментального для тибетского буддизма концепта Бардо не только «посмертное» восприятие, но и в целом присущие сансаре сознание и его рецептивные характеристики признаются пребывающими под прямым и патологизирующим воздействием вездесущей иллюзии-«майи». Однако признается также возможность и необходимость очистить сознание от порождающих иллюзии омрачений в процессе целенаправленной йогической практики.

Список источников

Гьяцо Тензин. Сон, сновидения и смерть. Исследование структуры сознания. Элиста: Океан мудрости, 2009. 497 с.

Естественное освобождение. Учение Падмасамбхавы о шести бардо. Санкт-Петербург: Уддияна, 2003. 324 с.

Кенчен Палдэн Шераб. Шесть бардо. Учение о мирных и гневных божествах. Санкт-Петербург: Уддияна, 2007. 136 с.

Молодцова Е.Н. Традиционные знания и современная наука о человеке. Москва: Янус, 1996. 271 с.

Национальный и религиозный состав населения России. URL: https://is.muni.cz/el/phil/jaro2017/RJ_67/nac.sostav.naseleniy.pdf (Дата обращения: 09.04.2025).

Смерти вопреки. Антология тайных учений о смерти и умирании традиции дзогчен тибетского буддизма / Пер. с тибетского и комментарий ламы Сонама Дордже. 2-е изд. Москва: Открытый Мир, 2006. 368 с.

Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35-45.

Чокьи Нима Ринпоче. Путеводитель по жизни и смерти. Москва: Открытый Мир, 2005. 256 с.

References

Gyatso Tenzin. Sleep, Dreams, and Death: A Study of the Structure of Consciousness. Elista: Ocean of Wisdom, 2009. 497 p. (In Russ).

Natural Liberation: Padmasambhava's Teaching on the Six Bardos. St. Petersburg: Uddiyana, 2003. 324 p. (In Russ).

Kenchen Palden Sherab. The Six Bardos: A Teaching on the Peaceful and Wrathful Deities. St. Petersburg: Uddiyana, 2007. 136 p. (In Russ).

E.N. Molodtsova. Traditional Knowledge and Modern Human Science. Moscow: Janus, 1996. 271 p. (In Russ).

National and Religious Composition of the Population of Russia. URL: https://is.muni.cz/el/phil/jaro2017/RJ_67/nac.sostav.naseleniy.pdf (Date of application: 09.04.2025) (In Czech).

In Spite of Death. An Anthology of Secret Teachings on Death and Dying from the Dzogchen Tradition of Tibetan Buddhism / Translated from Tibetan and commented by Lama Sonam Dorje. 2nd ed. Moscow: Open World, 2006. 368 p. (In Russ).

Filatov, S.B., Lunkin, R.N. Statistics of Russian Religiosity: The Magic of Numbers and Ambiguous Reality. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2005. No. 6. Pp. 35-45. (In Russ).

Chokyi Nyima Rinpoche. A Guide to Life and Death. Moscow: Open World, 2005. 256 p. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 09.04.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 27.02.2026.

The article was submitted 09.04.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 27.02.2026.